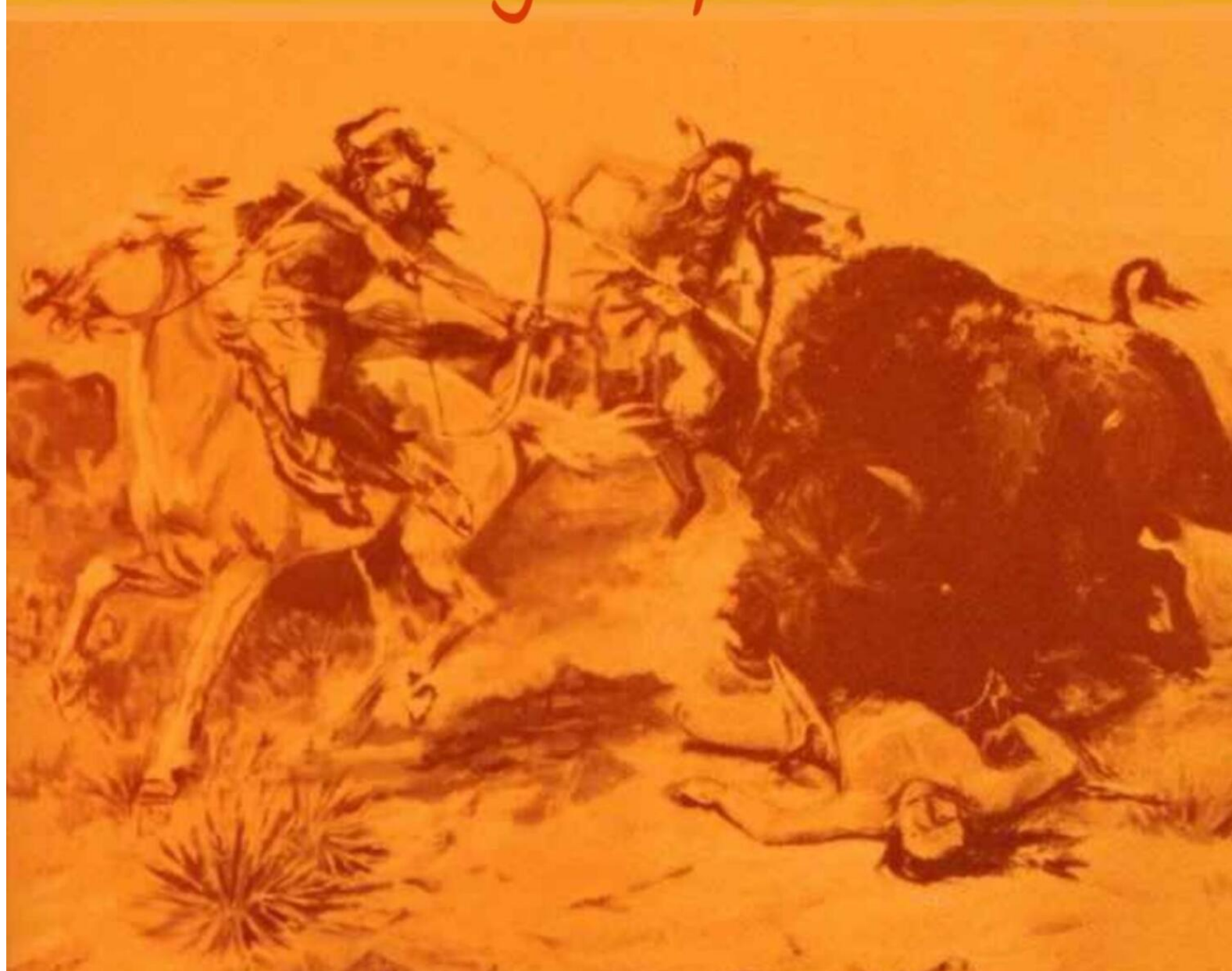

Почему минули эти времена?

Рассказы черноногих, пересказанные

Джеймсом Уиллардом
Шульцем

Джеймс Уиллард Шульц

Почему минули эти времена

«Автор»

2023

Шульц Д.

Почему минули эти времена / Д. Шульц — «Автор», 2023

Сборник рассказов, составленный из воспоминаний индейцев, друзей автора, об их жизни на равнинах - охотничьих приключениях, сражениях, легендах о появлении у племени первого ружья и первой лошади.

© Шульц Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

В Старую Мексику	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Уиллард Шульц

Почему минули эти времена

Охота на бизонов

Все окружающие говорили мне, что из всех профессий военная более всего подходит моему темпераменту, и я согласился с ними. Поэтому было решено, что я должен поступить в военную школу, чтобы получить в ней необходимую подготовку для поступления в Вест-Пойнт.

Но мои легкие были не столь здоровыми, как требовалось, и наш семейный врач сказал, что я должен отправиться на запад и пожить некоторое время на высоких сухих равнинах. Я отправился, снабженный рекомендательными письмами к сотрудникам мехоторговой компании, в форт Бентон в штате Монтана. Один из них, добрый старый Кипп – или Ягода, как называли его индейцы – был назначен моим опекуном.

Я должен был оставаться на границе год. Я оставался там, не считая немногочисленных выездов на восток, в течение столь многих лет, что я не хочу даже их считать. Я пришел туда мальчиком семнадцати лет. Теперь я седой и лицо мое покрыто морщинами. В те ранние дни в штате Монтана не было никаких железных дорог. Кроме форта Бентон, не было никаких постоянных поселений, не считая Хелены, Вирджиния Сити и одного-двух шахтерских поселков в горах. На великих равнинах жили многочисленные индейские племена, водились миллионы бизонов и множество другой дичи.

Мой друг и опекун, Ягода, следовал за стадами бизонов вместе с индейцами-черноногими – год здесь, год там – это определялось перемещением бизоньих стад, и каждый год покупал у индейцев тысячи прекрасных бизоньих шкур, помимо бобровых и других. Через него я узнал индейцев племени черноногих и полюбил их. Я узнал их язык, жил с ними, охотился, ходил с ними в набеги против других племен, и был принят ими как в члены племени. Поэтому я пишу о тех прошлых днях не по слухам, а на основании собственного опыта.

Вождь Бегущий Журавль дал мне мое имя – Ап-пе-кун-ни, что значит Пятнистый Плащ. По много месяцев я жил в его большом вигваме из восемнадцати шкур.

Прошла первая зима моей жизни на равнинах Монтаны. Бизоны линяли, сбрасывая зимнюю шерсть, и наступало "время новых вигвамов" – сезон, когда бизоньи шкуры с короткой шерстью лучше всего пригодны для выделки мягкой кожи.

Наш торговый пост был в Джудит Бэйсин, недалеко от того места, где теперь стоит город Льюистаун, и рядом с нами стояли лагерем черноногие – три тысячи человек в пятистах вигвамах. Всю зиму и весну в окрестностях лагеря бизоны были весьма многочисленны, но по какой-то причине, которую никто никогда узнает, внезапно они ушли далеко на восток, и разведчики сказали, что ближайшие большие стада находятся на реке Устричных Раковин, там, где в нее вливается Большой Извилистый ручей. Туда индейцы и решили пойти, поскольку почти все семьи хотели сделать новые вигвамы, и Бегущий Журавль попросил, чтобы я присоединился к нему во время большой охоты.

– Не ходи, – сказал мой друг Ягода. – во всей стране нет более опасного места, чем это. В том месте, где река Устричных раковин впадает в Миссури, находится хороший брод, и военные отряды всех племен – сиу, шайены, Вороны и северные индейцы, постоянно там проходят. Так что оставайся со мной и сохранишь свои волосы.

– Даже если враги будут многочисленными, как трава, – сказал Бегущий Журавль, – никто не тронет нашего белого сына. Когда было такое, чтобы мои воины не побеждали врага?

В определенном смысле это не было праздным хвастовством; но он, возможно, должен был добавить, что даже победители могут понести тяжелые потери. Я пошел со своим индейским другом, но были дни и часы, когда я очень жалел, что не остался на фактории.

Для меня даже вид множества бизонов, от которых черной была равнина до самого горизонта, не был столь впечатляющим, как зрелище трех или четырех тысяч индейцев и их двенадцати или пятнадцати тысяч навьюченных и свободных лошадей, растянувшихся по всей равнине от одного места стоянки до другого. Они составили колонны в несколько миль длинной, навьюченные и запряженные в траву лошади оставляли на земле глубокий след, свободные лошади бегали вокруг под присмотром молодых юношей. Какую смесь цветов составляли масти лошадей, наряды всадников, сделанных из раскрашенной сыромятной кожи мешков и других сосудов для хранения припасов и других вещей!

А сами люди! Веселые юноши и девушки, непослушные подростки, матери, прижимавшие к груди младенцев или несущие детей постарше за спиной, морщинистые сутулые старики и старухи с поджатыми губами, гордые воины и еще более гордые вожди и шаманы, едущие перед длинной колонной и вспоминающие прошлые охоты, сражения и деяния богов.

Не раз в течение дневного перехода я проезжал вперед, спешил и стоял, глядя на идущий мимо меня караван, а затем спешил вперед, чтобы занять свой место рядом с моим другом, вождем.

Огибая подножие Мокассиновых гор и Черного холма, мы видели неисчислимые стада антилоп, оленей, и лосей, тут и там попадались бизоны, в основном самцы. Для охотников не составляло никакого труда обеспечить мясом весь лагерь. Каждый день мы с Бегущим Журавлем отъезжали в сторону или вперед, чтобы добыть для нашего вигвама пару антилоп, оленя, лося или жирного молодого бизона.

Двигались мы не спеша, и к полудню четвертого дня оказались в устье Большого Извилистого ручья и встали лагерем вдоль берега реки Устричных Раковин. Большой Извилистый ручей – это современное название ручья, который Льюис и Кларк назвали Са-ка-джа-ве-а, в честь бесстрашной индейской женщины, которой экспедиция была в значительной степени обязана своим успехом.

С раннего утра мы проходили мимо огромных стад бизонов, убежавших от нас и скрывавшихся среди холмов. Материала для новых вигвамов было достаточно.

Большой лагерь находился, можно так сказать, на военном положении, которое поддерживалось вождями ин-ах-кис, или братством молодых людей, которые имели несколько подразделений.

Поскольку в большой охоте у всех должны были быть равные возможности, равнина была поделена на несколько частей, и охотники отправлялись каждое утро к определенному стаду, о котором сообщали разведчики. Если кто-то шел охотиться в одиночку, и таким образом распугивал стадо, ин-ах-кис в наказание ломали его вигвам и уничтожали имущество.

Большое стадо бизонов к югу от Извилистого Ручья и к западу от реки Устричных Раковин было первым, предназначенным для охоты, и рано утром мы с Бегущим Журавлем и с несколькими сотнями других охотников отправились к нему; каждый был на своей лучшей лошади, без седла и раздевшись, чтобы уменьшить свой вес.

Кроме меня лишь немногие охотники были вооружены магазинными винтовками 44-го калибра. У остальных были заряжавшиеся с дула кремневые ружья, гладкоствольные и нарезные, у некоторых двуствольные. У других были только луки и полные стрел колчаны, но на близком расстоянии это оружие было очень эффективным. Приблизившись к бизону, охотник загонял в него стрелу по самое оперение, а если стрела не попадала в кость, то могла пройти насквозь.

После примерно получасовой поездки мы увидели стадо бизонов в четыре или пять тысяч голов, пасущихся в долине протяженностью в несколько миль, которая прерывалась небольшими холмами с плоскими вершинами, поросшими приземистыми, кривыми от постоянно дующих ветров соснами. Нас было слишком много, чтобы приблизиться к животным одной группой, и после небольшого совещания треть нашего отряда отправилась на восток, другая треть на запад, а мы остались на месте, чтобы погнать стадо, когда ушедшие займут места на его флангах в нескольких милях дальше.

Мы спешили позади низкой возвышенности, которая скрывала нас от внимательных глаз быков, охранявших стадо, и пока мы ждали, шаманы возносили молитвы о нашем успехе в предстоящем деле и умоляли богов – Солнце и Старика – защитить нас от всех опасностей.

Мы ждали там почти час, а затем несколько молодых людей, которые наблюдали с верха возвышенности, дали нам знак садиться на коней, потому что остальные были уже наготове.

В следующий момент мы взлетели на возвышенность, нахлестывая лошадей изо всех сил. Впрочем, в этом они не нуждались; обученные лошади были безумно рады, что им дали свободу действий, и, прижав уши к голове, помчались за бегущими животными с такой скоростью, что даже используемая индейцами кожаная плеть не смогла бы погнать их еще быстрее.

Но управлять ими было можно. Скакун мог повернуть вправо или влево, повинаясь нажиму колена всадника, и, если тот выберет жирную корову, он приложит все усилия, чтобы бежать рядом с ней, чтобы всадник мог выстрелить. Но долго гнаться за напуганным бизоном никакая лошадь не могла, хотя милю или немного больше могла скакать наравне с ним или даже его обогнать. Они казались неумолимыми и пробежать десять миль на большой скорости для них было обычным делом.

В начале погони мы находились более чем в трехстах ярдах от ближайшего к нам бизона – те заполнили всю равнину, разбившись на группы разной численности или поодиночке. Некоторые из них паслись, другие лежали, забавные рыжие телята играли; одинокие старые быки стояли, опустив головы, и били копытами, поднимая облака белой пыли от щелочной почвы, которые поднимались в воздух, словно дым из дымоходов.

Когда их встревожил издаваемый нами шум, они не стали, как олени, бежать каждый своим путем, а собрались в компактное стадо и поскакали на юг с оглушительным топотом и скрежетом копыт.

Как загонщики, мы растянулись и наехали на них сзади, те, у кого были более быстрые лошади, были в середине. Я был в их числе. Мне часто приходилось делать это прежде, и каждый раз я говорил себе, что больше этого делать не стану, потому что это было очень опасно. Но, как всегда, азарт взял верх над осторожностью.

Они сбились в плотную массу, и мы так тесно окружили их, что до ближайших можно было дотянуться ружейным стволом, и они скакали через оставленный нами узкий проход. Впереди, позади, во все стороны от нас было сплошное холмистое море коричневых горбов, черных, острых рогов и мерцающих как угли глаз. Если бы чья-то лошадь упала в такой ситуации вместе со всадником, ничто не могло бы спасти его от массы острых копыт.

Выбирая только самых больших, самых жирных коров, я просто направлял свою винтовку в ту или другую сторону – целиться было не нужно – и спускал курок.

Девять раз я выстрелил в течение десятиминутной скачки, а затем мое внимание привлекло нечто, что полностью избавило меня от любых мыслей о большой охоте.

Случайно глянув вперед, я увидел, что другие группы охотников также как и мы, гонят окруженные ими части стада, и они на огромной скорости приближаются к нам. В том месте, где они должны были бы встретиться, я не хотел бы оказаться. Я посмотрел на соседних всадников – все они также заметили это и придерживали усталых лошадей, пропуская бизонов –

все, кроме одного, которого звали Два Лука. Через пару минут мы снова оказались в хвосте стада, и я выстрелил еще раз – всего получилось десять.

Два Лука были известным воином, очень удачливым охотником, но в племени его не любили. Он слишком любил хвастать своими поступками. Кроме этого, он вел себя очень бесшабашно и пускался во всякие рискованные дела – было просто удивительно, что из всех этих дел он вышел целым и невредимым.

Сам он утверждал, что некое подводное животное явилось к нему во сне и сказало: "Когда ты будешь в опасности, когда не будешь знать, что делать, вызови меня, и я тебе помогу. Позови меня четырежды – на север, на юг, на запад и на восток, на все стороны, где я могу быть, и я приду к тебе на помощь. Всегда зови меня, и ничто не навредит тебе, и ты сможешь дожить до седых волос".

О чем мечтали черноногие и во что они верили, действительно происходило. Они считали, что, когда они спят, их душа уходит из тела и переживает разные приключения.

Так, при всем его безрассудстве Два Лука находил поддержку в своей несомненной вере в животное из его сна. Он рванулся туда, откуда все старались уйти – в самую середину мчавшегося бизоньего стада, выпуская одну стрелу за другой.

Эти три группы встретились. Вообразите это, если сможете – примерно пять тысяч бизонов, пять миллионов фунтов плоти и костей, мчались к одной точке. Они скакали вместе настолько тесно, что многие из телят были затоптаны насмерть. Из-за страшной тесноты некоторые из них вставали на задние ноги, молотя передними по спинам остальных, пытаясь подняться, чтобы вдохнуть. Воздух был наполнен стонами и ворчанием животных, смешанных с треском от ударов рогов и топота копыт.

Когда они встретились, Два Лука был в самом центре этого ада, и внезапно мы увидели, как вместе с лошадей огромный бизон подбросил его в воздух.

– Он погиб! – крикнул Бегущий Журавль, который был рядом со мной, и я был того же мнения.

Лошадь упала и исчезла. Два Лука, однако, был более удачлив. В падении он схватился за длинную бизонью шерсть и вылез наверх, найдя себе место на горбу у бизона. Сильно испуганный этой странной ношей, бык брыкался и скакал, но, оказавшись не в силах освободиться, помчался вперед с потрясающей скоростью. Одновременно единое стадо стало разбегаться в разные стороны от общего центра.

Как обычно, старики из лагеря на старых лошадях, женщины и дети на жирных, ленивых кобылах для травуа следовали за охотниками, чтобы помочь им разделать и упаковать мясо и шкуры. Теперь они, как ненормальные, разбежались во все стороны. Я ясно слышал пронзительные крики женщин и детей. Но главный наш интерес был в том, что происходит с Два Лука.

Особо его никто не любил, но все же не настолько, чтобы безучастно наблюдать его гибель, и все охотники рванулись вперед, чтобы спасти его, если это еще возможно.

Скоро убежавший от стада бык побежал на восток, по направлению к реке Устричных Раковин, с такой скоростью, какую не могли развить наши усталые лошади, и скоро мы потеряли его из виду, а бизон даже и не думал остановиться, только иногда взбрыкивая, чтобы стряхнуть со спины Два Лука. Я за свою жизнь видел много забавных вещей, но вид огромного бизона, который ведет себя как полудикий мустанг, врезался мне в память.

Скоро мы поняли, что Два Лука не имел никакого оружия. Если бы у него был хотя бы нож, он мог бы попробовать перерезать сухожилия на шее быка. Спрыгнуть на землю он не решался из страха стать жертвой взбешенных животных. Мы, несколько сотен всадников, следовали за ним, то нагоняя его, то отставая.

– И-как-и-мат! (Смелее!) – то и дело кричали мы, словно бедняга мог услышать нас! Мы мчались, спускаясь к реке, мимо идущих к реке оврагов, через заросли малины, шиповника и низкорослых сосен, и наконец достигли берега.

Здесь бык снова начал взбрыкивать и кружиться, и мы быстро приблизились к нему. Если бы хоть кто-то один из нас мог бы подобраться к бизону на расстояние верного выстрела, Два Лука был бы спасен. Мы были от него уже недалеко и могли видеть его пепельное от страха лицо и выпученные глаза, обращенные к нам с призывом о помощи. Бегущий Журавль, я и еще дюжина воинов приблизились к нему и выжидали момент для удачного выстрела, но вдруг животное снова подскочило и рванулось к реке, которая в том месте текла под обрывистым берегом – до воды в том месте было по крайней мере тридцать футов.

– Он собирается прыгнуть! Он уходит! – услышал я со всех сторон, и затем, с последним длинным прыжком бизон со своей ношей исчезли.

Мгновение спустя мы были на краю обрыва, глядя вниз, и опять было слишком поздно. Мелкая вода в том месте текла по вязкому песку, в котором ворочался бык, и мы смогли только представить ужасную судьбу Двух Луков, на которого навалился бык и придавил его своей тушей.

Кто – то выстрелил и убил быка; другие торопились собрать хворост и нарезать кустов, которые помогли бы им не провалиться в песок, и побежали к месту трагедии.

Ну, что еще рассказывать? На следующий день тело бедного Два Лука было завернуто в несколько слоев шкур и привязано к сучьям хлопкового дерева, и рядом было положено его оружие. Там же были убиты две лошади, чтобы его тени было на чем добираться до Песчаных Холмов – страны теней – и после этого еще много ночей подряд мы слышали рыдания оплакивавших его женщин.

Опубликовано в "Товарище молодежи" (3 ноября, 1910г.)

Как опасности преследовали Одинокого Человека

Как сельский торговец любит осенью выезжать за пределы своего городка и любоваться на широкие поля, желтые от созревающего зерна, ожидающего скорой жатвы, так в прежние времена торговцы с индейцами любили ездить в лагеря народов равнин, красные от сушащегося мяса и белые от свежих шкур, лежавших на земле изнанкой вверх, готовых для выделки. Но я должен сказать, что в глубине души торговцы с индейцами были словно дети, и торгашеского духа в них было много меньше, чем у других торговцев. Торговец с индейцами был иным явлением. Он мог назначить за свой товар высокую цену, но при этом готов был отдать нуждающимся или своим друзьям все, что у него было. Как правило, его стремление помочь людям, с которыми он был связан, было сильнее стремления к выгоде, поэтому, когда бизоны были истреблены, вряд ли из пятидесяти нашелся бы один, в grossбухах которого доход значительно превысил бы расход. Я намеренно упоминаю об этом, чтобы объяснить, почему, когда мы, давно уже, однажды осенью после полудня подъехали к лагерю черноногих, мой старый друг Ягода воскликнул:

– Вокруг все красное и белое, не так ли? А они-то как рады!

Так оно и было: со всех сторон большого лагеря доносились крики и смех играющих детей, стук барабанов, крики людей, приглашавших друзей на пир или игру, и танцевальные песни.

Пока мы проходили между вигвамов, женщины прекращали свои занятия и с улыбкой смотрели на нас, отпускали шутки в наш адрес, а мужчины тут и там кричали:

– Друзья приехали! Приходите к нам на пир!

А ведь большинство людей уверены в том, что индейцы – хмурые и неулыбчивые люди! В действительности так они ведут себя только с теми людьми, к которым инстинктивно ощущают неприязнь.

Мы подъехали к вигваму Одинокого Человека и спешили. Подбежал юноша, готовый позаботиться о наших лошадях, а мы вошли в дом нашего друга.

– Привет, привет! – радостно сказал он и знаком пригласил нас сесть на лежанку рядом с собой и пожал нам руки – его приятное, умное лицо светилось от радости. Одна за другой вошли три его жены – три сестры, красивые, длинноволосые, богато одетые. Они тоже были рады нас видеть и сказали нам об этом, и сразу начали готовить ужин. Снова откинулся дверной полог – юноша принес наши седла, ружья и уздечки и сложил все на свободном месте.

Вигвам у Одинокого Человека был прекрасным – 22 фута в диаметре, высокий, сшитый из двадцати новых, выдубленных до белизны шкур бизоних, аккуратно раскроенных и сшитых в одно полотно. По кругу к шестам изнутри прилежала ярко раскрашенная подкладка, между которой и наружным покрытием сверху поднимался воздух, выходивший в отверстие наверху и уносивший дым от горящего костра. Тут стояли лежанки, покрытые бизоньими шкурами, с раскрашенными спинками из ивовых прутьев, а между ними были яркие, красиво расшитые парфлеша, в которых хранились запасы еды и вещи семьи. Над изголовьем нашего хозяина, тщательно привязанный к вигвамному шесту, висел длинный сверток их оленьей кожи, в котором была его священная трубка. На обоих его концах было привязано несколько мешочков из сыромятной кожи, ярко раскрашенных и с длинными завязками, содержавших разные талисманы. Наш друг был шаманом. Однажды, будучи сильно больным, он заплатил за эту трубку пятьдесят лошадей, и благодаря ее чудесной силе Солнце услышало его молитвы и вернуло ему здоровье. Если теперь к нему приходили больные, он разворачивал священный сверток, сопровождая этот процесс должными церемониями и песнями, раскрашивал лицо болящего красными символами небесных богов и молился о том, чтобы болезнь ушла от них, как уходит вверх дым табака и сгорающих сладких трав.

Мы обменялись новостями и поговорили, пока жарились бизоньи языки, тонкие лепешки из пшеничной муки и кофе. В те дни Одинокий Человек был одним из немногих черноногих, которые ели хлеб и другую еду белых. Мясо разных видов и приготовленное разным образом, но обязательно без соли, была единственной едой для большинства остальных. Мясо считалось ни-тап-и-вак-син, настоящей едой. Мука, бобы, рис, кукуруза и тому подобное назывались кистапи-ва-син, бесполезной едой.

Приходили другие люди, и мы повторяли то, что было им интересно и говорили, почему мы здесь – узнать, что они собираются делать зимой, останутся тут или будут кочевать по окрестностям. У нас был на это свой взгляд: мы хотели, чтобы они оставались здесь, у подножия Снежных гор, и я хотел бы, чтобы они дали нам такое обещание прежде, чем мы покинем лагерь. Ведь мы поставили тут свой пост, и торговля шла хорошо.

Глядя на нашего друга, Одинокого Человека, сидевшего при неярком свете костра, который шутил и улыбался, и его трех красавиц-жен, готовых выполнить любое пожелание друзей своего мужа, никто не мог бы подумать, что у них были большие неприятности. Смерть от руки неизвестного врага, совершенно неожиданная, и было это не раз, едва не настигала Одинокого Человека – замечательного, доброго, всегда готового помочь бедным и попавшим в трудное положение. Почему-то у него одного из всех членов племени, богатого, доброго и щедрого, была тайна, которую он так и не разгадал. Он ни разу ни с кем не ругался. Во всем лагере не было мужчины или женщины, на которых могла бы пасть хоть тень подозрения.

Минувшей зимой Одинокий Человек нанес нам долгий визит, и однажды вечером он рассказал нам во всех деталях историю своего спасения от неизвестного врага.

– Это началось, – сказал он, – прямо на следующий день после того, как я женился на первой своей жене, и я чувствовал себя счастливым, как никогда – а я всегда был счастливым юношей. К тому же тем утром я был очень горд. Почему бы и нет – теперь рядом со мной была самая красивая девушка из нашего лагеря – никого не было красивее ее, разве что может быть моя Пуай-о-та и моя младшая жена, Пус-ах-ки. Ты же помнишь, как они тогда выглядели, не

так ли? С такими гладкими щеками, яркими глазами, стройные и грациозные. А помнишь, какие у них были волосы – косы такие длинные, что концы их почти касались земли, когда они шли?

Мы первый раз ели вместе, Си-пи-ах-ки и я, а потом поехали, чтобы осмотреть мой табун и отвести его на водопой. Я высоко держал голову, когда мы ехали мимо вигвамов. Многие молодые люди, я это знал, с завистью смотрят на меня; почти все они хоть однажды пытались поставить свой вигвам с этой девушкой, а я, я ее получил. Разве не была это достойная причина быть гордым и счастливым? Конечно, я был счастлив, и, если она относилась ко мне так же, как я к ней, она тоже была счастливой.

Мы проехали через заросли полыни и кустарника, росших по берегу реки, потом по склону долины поднялись на большую равнину, разрезанную глубокими, поросшими лесом оврагами, доходящими до реки. Далеко впереди пасся мой табун, и мы направились к нему, двигаясь вдоль узкого хребта между двумя оврагами. Мы разговаривались и шутили, не думая о какой-то опасности, когда сзади вдруг раздался выстрел, и я упал с лошади. Я не помню ни удара пули, ни падения. Я только выстрел слышал. Когда я пришел в себя, голова у меня ужасно болела. Пуля пролетела прямо над ней, едва зацепив макушку, не причинив почти никакого вреда, только разорвала мой скальп и вызвала кровотечение. Но боль была ужасная. Я понял, что лежал довольно долго, потому что солнце поднялось довольно высоко. Когда я открыл глаза, Си-пи-ах-ки наклонилась надо мной и поцеловала меня. Она держала в руке мое ружье и смотрела в ту сторону, откуда был сделан выстрел – овраг ниже по течению реки.

– Ох, – сказала она, – я сначала подумала, что ты умер, и тоже хотела умереть. Но я прикоснулась к твоему сердцу и услышала, что оно бьется. Я ощупала твою рану и поняла, что череп не задет. Так что я взяла твое ружье и стала ждать, когда появится враг.

Разве не была она храброй? Большинство женщин на ее месте могли бы только орать и убегать с такой скоростью, на которую способна ее лошадь, от страха не зная, что делать. Врага она не видела и ничего не слышала. Лошади наши паслись неподалеку. Я попробовал подняться, но упал без сил.

– Лежи, – сказала она, – скоро здесь кто-нибудь пройдет и поможет нам.

Действительно, скоро появился всадник, ехавший по соседнему хребту, и Си-пи-ах-ки встала и помахала ему своей накидкой. Он хлестнул лошадь и скоро был рядом с нами, и узнав, что произошло, помчался в лагерь за помощью. С ним приехало много мужчин, и моя мать с травуа, на которой меня и увезли в мой вигвам. Мои друзья исследовали овраг и не нашли там следов военного отряда – только следы одного человека, ведущие в лагерь. Следы были свежими, оставленными эти утром, и это были следы мокасин из сыромятной кожи! Тот, кто стрелял в меня, был одним из нас. Многие из наших ходили пешком за лошадьми, но никто пешком не возвращался – возвращались всегда верхом, гоня перед собой табун. И это было все.

– Смотри, – сказали мне. – Смотри внимательнее: кто-то из нашего лагеря -твой враг.

Я не мог в это поверить. Я подумал, что кто-то выстрелил в меня, просто чтобы напугать, и увидев, что он натворил, убежал и вернулся домой.

Четыре ночи спустя я понял, что ошибался. Я внезапно проснулся от непонятного страха в сердце, с таким чувством, что мне угрожает неизвестная опасность. Луны не было. Я посмотрел на дымовое отверстие – звезд не было, небо было облачным, поэтому было очень темно. Я лежал с внешней стороны лежанки, Си-пи-ах-ки с внутренней. Я услышал слабый шорох; она спала и не двигалась.

– Это собака, – подумал я, – она лежит снаружи рядом с обшивкой вигвама.

Но тут я понял, что это было: я снова услышал шорох, и, хотя было темно, я увидел, как белая обшивка вигвама поднимается, очень медленно. Мое ружье лежало рядом. Я поднял его, бесшумно взвел курок, прицелился туда, где, как я думал, лежал мой враг, и выстрелил. Вспышка пороха осветила приподнятые подкладку и обшивку вигвама, и руку, державшую блестящий нож. Потом снова стало темно, и вместе с испуганным криком Си-пи-ах-ки я услышал топот удаляющихся шагов. Мой выстрел поднял весь лагерь. Мужчины выбегали с ружьями и спрашивали, что случилось. Моя женщина развела огонь; мы зажгли факелы и осмотрели землю снаружи. Крови не было, вообще ничего, кроме вытянутого колышка и приподнятой обшивки вигвама.

– Кто, кто этот враг, – спрашивали мы себя. – Почему он хочет меня убить? Какой вред я кому-то причинил, что теперь должен расплачиваться своей жизнью?

Обо мне никто не мог сказать, что я трус. В схватках с врагом я не раз показал себя хорошим воином; но теперь я боялся. Было ужасно сознавать, что кто-то пытается тебя убить. Теперь я боялся ходить куда-то в одиночку. Когда я отправлялся на охоту, мой двоюродный брат Красное Перо всегда меня сопровождал. Я поручил юноше следить за моими лошадьми, хотя всегда сам делал это с удовольствием. Я вынужден был отказаться от этого, хотя нет ничего приятнее, чем объезжать свой табун, вести его на водопой, слышать топот их копыт и смотреть, как они играют, а их упитанные гладкие тела блестят на солнце. А больше всего я боялся ночи, темноты. Когда мы ложились спать, то вначале гасили огонь и делали вид, что ложимся на одну лежанку, а потом тихо вставали и ложились на другую. Мы не могли ночью говорить друг с другом, даже шепотом, а это было очень трудно для двух молодых людей, которым есть что друг другу сказать. Я завел двух больших собак и всегда держал их рядом с собой, когда мы перевозили лагерь, и сделал из них сторожевых. Они всегда спали внутри, одна у входа, другая рядом с лежанкой.

Прошли зима и лето, и мой тесть скончался. Теперь у моих возможных жен не стало дома. Я взял их к себе. Я всегда хотел это сделать, когда придет время¹. Они хотели этого, и их старшая сестра тоже хотела, так что я так и сделал. Мы вчетвером были счастливы. Мой враг долго мне не докучал, и я мечтал о мирной жизни. Потому я утратил бдительность. Той самой ночью, когда в мой вигвам вошли новые жены, до лагеря издалека донесся звук выстрелов и крики врагов – наши юноши обнаружили военный отряд ассинибойнов, пытавшийся подкрасться к нашим лошадям и угнать их. Как и остальные, я схватил оружие и помчался к месту схватки. Когда я бежал, то слышал за спиной звук шагов, но мысль о врагах не приходила мне в голову, как вдруг цванг! Щелкнула тетива и стрела вонзилась в мое левое плечо, и обожгла его такой болью, словно была сделана из огня. Левой рукой я пользоваться не мог, но, повернувшись, как мог правой рукой поднял ружье и выстрелил в человека, которого смутно видел убегающим от меня. Вспышка выстрела на мгновение ослепила меня, и когда глаза вновь привыкли к темноте, никого не было видно и не было слышно звука удалявшихся шагов. Я повернулся и побрел домой круглым путем, пробираясь среди высоких кустов. Я не мог сражаться ни с врагами, ни с одним из своих, в любой момент ожидая выстрела в спину. Снова мною овладел ужас, и это вместе с потерей крови из раны на плече добило меня. Я только добрался до своего вигвама, вошел и упал, словно мертвый.

Еще до того, как я пришёл в себя, они вынули стрелу из плеча, так что такой боли я не чувствовал. Стрела была обычной – новой, ровной, прямой, без меток и рисунков, по которым можно было бы опознать ее владельца. И у нее был страшный зазубренный наконечник – им пришлось проткнуть мое плечо насквозь и обломить древко, чтобы вытащить его.

¹ Младшие сестры замужней женщины считались основными претендентками на роль жен ее мужа. Если он не хотел на них жениться, они имели право выбрать другого мужа. (авт)

Больным и в отчаянии я пролежал несколько дней. Вожди собрались на совет, и скоро лагерный глашатай обошел лагерь, громко выкрикивая такие слова:

– Среди нас есть трус, грязная собака, которая хочет отнять жизнь у хорошего человека. Пусть он остерегается: пусть прекратит свои злые дела, потому что, если он будет раскрыт, то будет подарен Солнцу: его привяжут к дереву и оставят мучиться от голода и жажды, пока его тень не покинет его.

Я думаю, что это не принесло большого результата. Рано или поздно, в неожиданный момент, он повторит свою попытку, и в Песчаные Холмы уйдет моя тень, не его. Более тщательно, чем прежде, я берегся; более тщательно мои друзья и жены берегли меня от возможных сюрпризов. Теперь я хотел встретиться с ним лицом к лицу, хотел сразиться с ним – на ружьях, на ножах, дубинках или даже голыми руками. Я думал, что сделаю с ним, когда он окажется в моей власти, как он будет умирать, мучаясь целый день.

Вы можете понять, как трудна жизнь в лагере для деятельного человека. Как хорошо, вместо того, чтобы сидеть в вигваме, оседлать лошадь и поехать на равнину – если не ради охоты, то просто для того, чтобы просто полюбоваться видами равнин, гор, поднимающихся за ними, посмотреть на животных и птиц, на облака, плывущие над равниной, ощутить ветер, посланный богами – нежный или сильный, смотря какое у них сейчас настроение. А я не мог всего этого сделать – просто не мог жить, как все остальные, делая то, что хочется. Выходить я мог только тогда, когда кто-то соглашался меня сопровождать. Много раз за это время я ходил в гости или сам звал гостей. Одного за другим я обсуждал всех людей из нашего лагеря – кто из них мог быть моим врагом? И видел, что, хотя все они приветливо мне улыбались и дружелюбно со мной разговаривали, все же один из них хотел отнять мою жизнь. Снова и снова мои женщины обсуждали, кто хотел на них жениться, кто делал такие предложения их родителям. Таких было много, это правда, но никто из них моим врагом быть не мог. Все они уже были женаты и жили счастливо.

Прошло две зимы. За это время ничего плохого с нами не произошло, за исключением того, что я заболел: у меня болел живот и голова, и часто, пытаясь встать с лежанки, я становился слепым и бессильным и падал обратно. Мне становилось все хуже. Мы звали одного целителя за другим – мужчин и женщин, которых боги наделили большой силой, которые владели талисманами, излечивавшими любые болезни. Но ни от их молитв, ни от горького питья мне не делалось лучше. У меня пропал аппетит. Я становился слабее и слабее. Я не хотел умирать – я был совсем еще молод, мои женщины любили меня, а я любил их. Я хотел жить и быть счастливым с ними вместе, но еще больше я хотел жить, потому что какой-то злодей желал моей смерти.

Однажды к нам прибыли гости из лагеря северных черноногих, и я пригласил их на пир. Они заметили, что я очень похудел и выгляжу больным, и я сказал им, что меня так гложет.

– Ну почему же, – сказал один из них, – есть способ помочь тебе выздороветь. У нашего народа есть священная трубка, которая всегда вылечивает любую болезнь. Сейчас ею владеет Три Солнца. Иди к нему прямо сейчас и получи ее: она стоит очень дорого, не меньше пятидесяти лошадей, но разве лошади могут сравниться со здоровьем?

Я сразу решил, что должен получить эту трубку, но для вида решил поколебаться. Я сказал, что слишком слаб для долгого путешествия, что уже все испробовал и уверен, что ничего мне уже не поможет. Но план мой был готов прежде, чем я это сказал. Уже на следующую ночь Красное Перо принес все необходимое для путешествия – седла, накидки, пару парфлешей с разными припасами, и припрятал их в овраге недалеко от лагеря. На следующую ночь

он привел туда двух лучших моих лошадей, и, когда в вигвамах погасли огни и люди уснули, Си-пи-ах-ки и я пробрались к этому месту, и скоро уже сидели верхом и двигались по горной тропе, ведущей на север. Другие мои женщины на время моего отсутствия перешли жить в вигвам Красного Пера. Разумеется, отправляясь в путь, мы очень волновались, и я чувствовал себя достаточно сильным, но задолго, задолго до рассвета я очень ослабел. К тому времени мы добрались до подножия холмов и, поднявшись на вершину одного из них, спешили, чтобы отдохнуть, привязав лошадей в маленькой сосновой роще, а сами расположились на поляне, поросшей высокой травой. Моя женщина расстелила для меня накидку, прикрыла меня от росы, и я уснул, а она сидела рядом, держа мое ружье, наблюдая и прислушиваясь, не грозит ли нам какая-нибудь опасность.

Я проснулся оттого, что солнце светило мне в лицо. Си-пи-ах-ки склонилась надо мной, словно мать, с доброй улыбкой, которую я так любил, и которая никогда ее не покидала.

– Да, – сказал я, – я намного лучше себя чувствую. Сегодня я смогу много проехать, но сперва мы должны поесть, а потом ты поспишь, а я покараулю.

Она спустилась с холма к ручью, вернулась с ведром воды, и мы принялись за еду. Во время еды я не прекращал следить за окрестностями и через некоторое время заметил одинокого всадника, который двигался оттуда, откуда мы пришли. Вначале я подумал, что это охотник из нашего лагеря, ищущий добычу. Но нет – совсем недалеко от него было стадо бизонов, но он к нему не свернул. Вместо этого он продолжал двигаться по нашему следу, ясно видимому ранним утром на свежей траве. Я разбудил женщину.

– Вот он, – сказал я, указывая на него. – Это наш враг. Наконец настал день, когда мы увидим его лицо и когда один из нас – он или я – умрет. Я рад.

До него было еще далеко.

– Когда он приблизится, – сказал я, – я спущусь в кустарник рядом с тем местом, где мы пересели ручей, и, когда он спустится к броду, я пулей собью его с лошади.

– Да, – согласилась моя храбрая женщина, – а я спрячусь с другой стороны с дубинкой и своим ножом. Он не станет думать о ком-то еще, и, если ты случайно промахнешься, я сделаю что смогу. Но ты не промахнешься, ты хороший стрелок. Он упадет с лошади в воду. И, если мы его не убьем, если он убьет тебя, то тогда, муж мой, наши тени вместе отправятся в Песчаные Холмы, потому что я убью себя.

Я заметил, что наш преследователь часто останавливается и смотрит назад и вокруг, а потом снова медленно движется вперед.

– Он боится, что его заметят, – сказал я. – Я надеюсь, что ничего ему не мешает добраться до нас.

Но это произошло, и я был очень разочарован. К югу от него появилось несколько всадников, и он сразу свернул и исчез в глубоком овраге, который шел к реке Двух Талисманов. Некоторое время мы его больше не видели, потом мы заметили его, намного ниже, когда он поднялся их долины и направился через равнину к Барсучьему ручью. Нам больше не было смысла оставаться на вершине холма. Мы сели на лошадей и продолжили путь.

В должное время мы достигли лагеря черноногих и пришли в вигвам Три Солнца. Старик оказал нам сердечный прием и, когда я сказал ему о цели своего прибытия, без колебаний отдал мне священную трубку, согласившись прислать своего сына и нескольких юношей, чтобы те забрали пятьдесят лошадей, которых я ему предложил. Мы оставались там некоторое время, он молился за меня и учил меня церемониям, нужным при обрядах со священной трубкой, пока

я хорошо их не выучил. Потом мы вернулись домой – никаких неприятностей за это время не произошло. Я чувствовал себя все лучше. И главное, теперь я видел хорошие сны, а не плохие, и видел их довольно часто.

– Ты переживешь все неприятности в твоей жизни, – говорил мне мой священный помощник. – Ты переживешь своего недруга.

Это меня ободрило, вернуло твердость в мое сердце, и я стал чаще ездить на охоту или просто прогуляться. Хотя все же я не переставал остерегаться и не выезжал в одиночку. Три зимы неприятностей у меня не было, как я думаю, потому что я был осторожен. Это случилось в первый же раз, когда я решил рискнуть. В наших вигвамах закончилось мясо, и мы с Красным Пером отправились на охоту. Был теплый весенний день, облачный, тихий, но облака были выше вершин гор, так что мы решили, что дождя не будет, по крайней мере до ночи. Мы уже долго стояли на одном месте, в низовьях Медвежьей реки (Мариас), в долине Священной Скалы, и дичь ушла довольно далеко от долины, уходя от охотников. Мы отправились на юг, к Сухой Вилке, и только ближе к полудню заметили дичь – несколько стад антилоп, потом приличное стадо бизонов. Эти последние паслись на южной стороне и вершине длинного плоского холма, с восточной стороны которого поднималась скала. Мы по глубокому оврагу пробрались к его северной стороне, поднялись и оказались среди животных. Мы погнались за ними через плоскую вершину холма, убили только одну корову, и Красное Перо ранил ту, в которую стрелял. Мяса было недостаточно, и мы погнали лошадей вниз по крутому скалистому склону. Здесь у бизонов было перед нами большое преимущество, потому что вниз по склону они могли бежать вдвое быстрее лошадей. На равнине все было другое дело – там мы могли бы сократить разрыв и закончить охоту. Но этого не случилось. Моя лошадь упала, и я покатился по склону, пока не остановился на осыпи из гальки. Я не был ранен, только поцарапался, и ружье мое не пострадало. Но лошади не так повезло. Ее передняя нога была сломана, и пуля, которая должна была обеспечить нас мясом, отправила ее тень в Песчаные Холмы. Красное Перо был доволен. Внизу он убил трех прекрасных молодых бычков. Он отлично стрелял, сидя верхом, и быстро перезаряжал ружье. Три туши лежали на протяжении ста шагов пути. Он был не меньше моего расстроен гибелью моей лошади. Это был один из лучших моих охотничьих скакунов, и он на нем часто охотился.

– Ну что же, – сказал он, – тот, кто умер, останется мертвым. Помочь ему мы не сможем, так что давай решать, что нужно делать. Я думаю, что нашу добычу надо освежевать и разделять, а потом, забрав только языки и часть ребер, вернемся в лагерь вдвоем на моей лошади. Завтра я вернусь сюда с несколькими женщинами, чтобы забрать шкуры и все остальное.

– Я не люблю ездить вдвоем, – сказал я ему. – Если ты помнишь, я никогда так не делал, даже когда был мальчиком. До темноты еще далеко, так что возвращайся в лагерь и приведи для меня лошадь, пока я буду свежевать и разделять нашу добычу.

– Я бы поехал, – возразил он. – Но подумай о себе – твой враг может быть рядом и следить за нами.

Некоторое время мы спорили, но я настоял на своем. Немного времени спустя после того, как он уехал, поднялся сильный ветер и полил дождь. Я продолжал работать – свежевать и разделять добычу. Скоро я сильно промок. Я накрыл мясо тремя шкурами, а сам завернулся в четвертую, но согреться так и не смог, и чувствовал себя очень неудобно. Я больше не смог этого выносить, поэтому, скинув накидку, встал и направился к дому. Дождь лил сильнее прежнего, ветер крепчал. Потоки воды почти ослепляли меня, но я шел все быстрее, надеясь встретить Красное Перо на полпути и оказаться у горящего костра так быстро, как только сможет донести меня лошадь.

Тропа к Сухой Вилке была прямой, срезавшей изгибы долины. Иногда она проходила рядом с рекой и потом снова поднималась. И тут мною снова овладел страх.

– Здесь отличное место для врага, который хочет устроить засаду, – подумал я, стараясь смахнуть воду с глаз и рассмотреть местность впереди. Теперь я знал, что мой священный помощник пытался предупредить меня об опасности, но я не хотел в это верить. Я пытался убедить себя в том, что в такой ливень мой враг не сможет выйти, и в любом случае ему неоткуда знать, что я пойду домой пешком. Все же все эти рассуждения облегчения мне не принесли, и, когда из кустов впереди слева раздался выстрел, и я заметил вспышку и почувствовал, как пуля пронзила мое бедро, то ничуть не удивился. Рядом, справа, были небольшие кусты, и я упал прямо туда. Выстрел не сбил меня с ног, но я сделал вид, что это было так, надеясь, что мужчина, который хотел меня убить, теперь покажется и даст мне шанс убить его. Едва оказавшись в кустах, я приподнялся и стал смотреть сквозь густые листья. Я смотрел и смотрел. Никто не появлялся. Никаких звуков я не слышал – только ветер, шум дождя и плеск воды в поднявшейся реке. Рана моя сильно болела. Из нее текла кровь, хотя и не так сильно, поэтому я решил, что вена не задета. Я зажал ее большим и указательным пальцем и лежал спокойно, не считая того, что меня била дрожь, а зубы мои стучали. Все же на сердце у меня было легко. Мой враг сделал все что мог. К моему укрытию он приблизиться не решался. Красное Перо скоро должен был здесь появиться, он не мог быть далеко. Когда он появится, то узнает, кем был этот трус. Он появился раньше, чем я его ждал, и вел лошадь для меня, а сам сидел на другой, свежей. Я попытался подняться, но это оказалось слишком болезненным. Я крикнул, он приблизился и спешился у самых кустов. Я рассказал ему, что случилось и где, по моему мнению, прятался мой враг.

– Нет, ответил он, – его там быть не может. По пути я заметил несколько свежих лошадиных следов, идущих к реке, к нижнему броду.

– Тогда иди, – сказал я. – Скачи за ним, как можешь быстро. Догони его и убей, или хотя бы проследи за ним до лагеря и узнай, кто это был.

Он ничего не сказал, помог мне подняться и усадил меня на лошадь. Едва я отпустил пальцы от раны, она стала кровоточить, как прежде. Он наложил на рану табачные листья, разорвал свою рубашку на полосы и перевязал ее.

– Держись, как сможешь, – сказал он, – а я поведу твою лошадь. Я хочу, чтобы ты оказался дома как можно скорее.

Уже стемнело, когда мы добрались домой, и я так ослаб, что выпал из седла, как пьяный, и меня подхватили и уложили на лежанку. Той ночью я видел хороший сон. Мой священный помощник снова приободрил меня.

– Пусть сердце твое будет твердым, – сказал он. – Ты увидишь зеленую траву многих будущих лет. Ты будешь счастлив много лет после того, как твой враг станет тенью в Песчаных Холмах.

Так что я приободрился, и когда моя рана зажила, снова стал выезжать, соблюдая предосторожности. Все это случилось еще до того, как ты у нас появился. Тебе известно о других попытках этой собаки убить меня.

– И тебе, безусловно, известно, что он тебя убить не может, – сказал я, когда он завершил свой рассказ.

– Разумеется, – согласился он. – Мой священный помощник, безусловно, посланник солнца. Все, что я делаю, зависит от того, что он мне говорит.

Тем вечером, когда мы сидели в вигваме нашего друга, я снова подумал о многочисленных попытках убить его, и о человеке, так желавшем его смерти. Меня не оставляли мысли о мотивах его стремления, и я жаждал, чтобы он понес заслуженное наказание. Такая смертельная ненависть одного человека к другому и стремление одного убить другого, пользуясь всякими хитрыми уловками, даже среди белых встречаются нечасто, а среди черноногих никогда ничего подобного не было, как и среди других племен, о которых я знал. Были среди них и смертельная ненависть, и убийства, но никогда не было такого, как эти попытки убить Одинокого Человека.

В тот вечер нас пригласили на ужин в несколько вигвамов, и мы провели в каждом по полчаса. Часов около девяти или попозже мы вернулись к нашему другу.

– Мы выкурим трубку или две, прежде чем лечь спать, – сказал он и придвинул к себе доску, на которой резал и смешивал табак и *l'herbe*. Откинулся дверной полог и вошла женщина – очень, очень старая, сгорбленная, морщинистая и седая, и упала на колени, сжимая и разжимая свои иссохшие руки.

– Здравствуй, старая женщина, – сказал Одинокий Человек, прервав свою работу и приветливо глядя на нее – нож замер над кучкой нарезанных листьев. – Сажи, что мы можем для тебя сделать. Нужна ли тебе еда или табак?

– О вождь, – простонала она, – великий и щедрый сердцем, я прошу тебя о милости во имя твоей любви к твоим прекрасным женам. Выслушай меня: Моему внуку Бегущему Орлу, этим вечером стало очень плохо и сейчас он лежит при смерти. Он долго болел и звал многих целителей, он отдал им все свое имущество, но никто не смог ему помочь. Я пришла умолять тебя взять свою священную трубку и помолиться за него. Он ничего не может тебе дать, его последняя лошадь ушла к этим целителям. Великий вождь, щедрое сердце, пожалей...пожалей...

Она упала и застонала так, как могут только старики и ослабевшие люди.

– Не плачь, не плачь, – сказал Одинокий Человек. – Разумеется, мы сейчас достанем трубку, мы выкурим ее и прочтем над ней молитвы. Быстрее иди к нему и вели ему прийти сюда.

– Ай-я! – воскликнула старуха. – Он не может идти. Он без сознания. Его нужно нести...

Жены Одинокого Человека вопросительно посмотрели на него. Он кивнул, они поднялись и вышли, и скоро вернулись с еще одной женщиной, неся на шкуре больного. Они положили его слева от костра, между ним и лежанкой одной из женщин. Он был очень изнурен и, видно было, долго страдал от терзавшей его болезни – возможно, это был рак, но точно не туберкулез. Казалось, что он спит.

Одинокий Человек и его главная жена покрыли свои лица охрой, священной краской, а потом Си-пи-ах-ки осторожно сняла священный сверток и священные мешочки и положила их перед своей лежанкой. Женщина достала из костра горящий уголек, достала из одного мешочка щепотку сладкой травы и бросила ее на уголь. Когда над ним поднялся священный ароматный дым, она очистила в нем свои руки, готовясь к церемонии. Потом женщины уда-

лили с трубки все обертки, кроме последней – на самом деле это был чубук, к которому можно было присоединить любую чашечку.

Одинокий Человек взял протянутую ему красную краску и, склонившись над спящим, нарисовал на его лице символы небесных богов. На лбу – Солнце, на подбородке – Луну, на щеках звезды. Пока все это происходило, больной несколько раз пошевелился.

Теперь, перед тем как снять последнюю обертку, было спето много песен, и наконец священный чубук, украшенный рисунками, перьями и привязанными к нему полосками разноцветного меха, появился на свет и был поднят с того места, где лежал. Первой была песня Накидки. Я слышал, как некоторые говорили, что эти индейские песни – какофония и тарбарщина. Эти люди в музыке совершенно не разбираются. О классической музыке они сказали бы то же самое. Например, эта песня Накидки – великолепное печальное произведение, выражающее благоговение и преклонение перед неизвестным, и для понимающего уха звучит она не хуже любой мессы.

Они затянули песню, и звук их голосов разбудил больного. Он открыл глаза, и они стали широким от ужаса, когда он увидел нас, сидевших вокруг него.

– Стойте! Стойте! – крикнул он и приподнялся, опираясь на слабую, дрожащую руку и подняв другую, словно желая отвести удар. Одна из женщин, его жена, подскочила и уложила его обратно.

– Пустите меня, – простонал он. – Заберите меня отсюда, от этой страшной трубки, которая наслала на меня болезнь.

– Ох, сынок, успокойся, – воскликнула его бабушка.

– Он не знает, что говорит, – печально сказала его жена. – Не слушай его, Одинокий Человек.

– Я знаю, что говорю, – крикнул больной. – Я умираю и все тебе скажу. Я проиграл, и я знаю это. Я тот, кто много раз пытался убить тебя, Одинокий Человек, и я бы это сделал, если бы не твоя ужасная трубка. Ее сила сильнее моей, она защищает тебя и каждый раз тебя спасала. Заберите меня отсюда, женщины, и дайте мне умереть где-нибудь, пока он не захочет убить меня прямо здесь.

– Скажи мне, зачем ты все это делал? – спокойным голосом спросил его Одинокий Человек, наклонившись над ним. – Что я сделал тебе такого, что ты захотел отнять мою жизнь?

– Что ты сделал? Ты взял женщин, которых хотел взять я. Я их любил. Если бы я убил тебя, они могли бы стать моими. Заберите меня отсюда, женщины, прямо сейчас.

– Друг, – сказал Одинокий Человек, – я прощаю тебя. Мы забудем все, что ты сделал, и попробуем излечить тебя. Если мой талисман, который ты видишь, сможет тебе помочь, мы попросим его помочь вернуть тебе здоровье. Си-пи-ах-ки, спой песню еще раз.

Женщина в изумлении уставилась на него.

– Что? – воскликнула она, – ты просишь меня петь и молиться ради того, кто причинил нам столько обид, кто заставил нас жить в страхе за твою жизнь и все эти годы дрожать от страха все эти годы? Я отказываюсь.

– Да, да. – поддержали ее другие жены. – Ее слова – наши слова. Мы не станем ему помогать.

– Давайте будем добры, – сказал он. – Если я его простил, то и вы поступите так же. Си-пи-ах-ки, во имя любви ко мне, послушай то, что говорит тебе твое доброе сердце. Спой песню еще раз.

Они спели, оба с большим чувством, чем прежде, и больной снова откинулся на свою лежанку и закрыл глаза. Одну за другой они пели песни. Потом Одинокый Человек поднял чубук и, держа его на вытянутых вверх руках, искренне помолился о выздоровлении Бегущего Орла, о его добром здоровье и долгой жизни, и мире и счастье для всех нас. Это была очень впечатляющая сцена.

Наконец церемония завершилась. Больной приподнялся, сделал несколько затяжек из священной трубки и пробормотал молитву. Женщины подняли его и отнесли в его вигвам. В молчании женщины приготовили лежанки для себя и для нас с Ягодой, застелив их несколькими шкурами и нашими одеялами, и так же молча все легли спать.

– А еще, – сказал Ягода, словно продолжая прерванную беседу, – белые говорят, что индейцы никогда не прощают обид!

– Они пытаются судить о многих вещах, – добавил я, – о которых ничего не знают.

Бегущий Орел скончался на следующий день.

Опубликовано в «Леса и реки» 28 декабря 1907 года

Сон Маленького Пера

Однажды весной черноногие стояли лагерем на реке Джудит, которую на своем языке называли Желтым Ручьем. Дичи в окрестностях лагеря стало мало, поэтому было решено перебраться на ручей Армелла, другой приток Миссури, примерно в тридцати милях к востоку. В то время я жил с Маленьким Пером, молодым воином лет тридцати или чуть старше, очень храбрым и умелым охотником. Он всегда пребывал в хорошем настроении, постоянно шутил и смеялся, но в то утро, когда нужно было переезжать, он казался необычно тихим. Он поднялся, искупался в реке, позавтракал, не произнося при этом ни слова, и казалось, находился в глубокой задумчивости. Через некоторое время он достал свой военный мешок и вынул из него несколько связок отборных перьев из хвостов орла, которые у черноногих ценились чрезвычайно высоко и использовались как украшение. Потом он вышел и пожертвовал их Солнцу – помолился о своем здоровье и безопасности, а потом привязал этот пучок перьев к веткам дерева как жертву могучему богу. Скоро вигвамы были сняты, все было собрано и загружено на лошадей, и начался марш.

В то время племя во время перехода представляло живописное зрелище. Большинство верховых лошадей были богато украшены, седла были покрыты вышивкой из бисера, а выючные лошади несли причудливой формы мешки и выюки из сыромятной кожи, также разрисованные странными яркими рисунками. Лошади, которые несли имущество шаманов, священные и магические предметы, все были белыми, а их хвосты и гривы были выкрашены в ярко-красный цвет. Мешки со снадобьями были сделаны из белой сыромятной кожи и украшены бахромой такой длины, что она почти касалась земли. Одежда немногим уступала в яркости. Люди постарше обычно носили одежду из бизоньей кожи или одеяла темных тонов, но молодежь и мужчины средних лет, а также женщины, носили одеяла всех мыслимых цветов, и, когда они двигались тесной группой и их длинные волосы развеивались на ветру, зрелище было занятым. Во главе колонны ехали вожди и старшие воины в сопровождении своих женщин и

детей, за ними и по бокам двигалось множество воинов, которые гнали перед собой свободных лошадей – последних было много сотен.

Было яркое весеннее утро, и, пока мы ехали, Маленькое Перо сказал нам, что видел очень плохой сон. Он сказал, что маленький белый старик пришел к нему и крикнул:

– Берегись! Завтра тебя ждет большая опасность.

– Какая? – спросил Маленькое Перо.

– Я не могу тебе этого сказать, – ответил белый старик. – Все, что я могу сказать – будь мужественным, делай все возможное и тогда все закончится хорошо.

Я никогда не спорил с этими людьми об их верованиях. На самом деле, чтобы постичь их внутреннюю жизнь, чтобы изучить их самые потаенные мысли и образ жизни, я притворялся, что являюсь последователем их веры. Я заставил их думать, что, как и они, я поклоняюсь Солнцу и верю снам и приметам. Я часто пересказывал старикам свои сны и спрашивал, что они обозначают. Теперь, когда Маленькое Перо пересказал мне свой страшный сон, я спросил:

– Друг мой, а как выглядел этот белый?

– Он был очень маленьким и худым, – ответил он, – а его лицо было очень гладким и белым.

– Хорошо, – сказал я, – на твоём месте я был бы сегодня очень осторожен. Не уходи далеко от лагеря, не садись на необъезженную лошадь и не бери в руки оружия. Ты не можешь сказать, о какой опасности тебя предупреждал твой сон. Погибнуть можно не только от руки врага. Твоя лошадь может тебя сбросить и придавить; ружье может случайно выстрелить, а гремучая змея укусить. Да, тебе надо быть очень осторожным.

– Я никогда не был трусом, – ответил Маленькое Перо. – Ты знаешь о том, как я воевал; это говорит само за себя. Но я не люблю такие вещие сны. Когда тебе говорят, что с тобой что-то произойдет, но неизвестно что, это делает сердце беспокойным. Ты всегда встревожен и никогда не знаешь, что произойдет.

Около двух часов мы достигли небольшого, поросшего соснами холма, и в этом месте караван остановился, чтобы немного отдохнуть. Три Солнца, главный вождь, Маленькое Перо и я забрались на вершину одного из холмов, чтобы осмотреть ближайшие окрестности. Всего в нескольких милях от нас была долина ручья Армелла, очень широкая, ровная и ограниченная высокими холмами и утесами. Здесь и там вдоль ручья были маленькие рощи хлопковых деревьев и тополей, на холмах росли редкие сосны. Но нас более всего интересовала дичь. Я достал свою мощную подзорную трубу и с ее помощью увидел бесчисленные стада бизонов и антилоп. Некоторая их часть была между нами и ручьем, но основная масса находилась на равнине и к западу от нее. По крайней мере на тридцать миль, насколько мог охватить глаз, прерия была покрыта стадами бизонов.

– Это – богатая страна, – заметил я, передавая трубу Маленькому Перу. – Скоро мы полакомимся бизоньими ребрами.

– Я рад этому, – сказал Три Солнца, – мне надоело мясо лосей и оленей. Он продолжил говорить о бизонах, говоря, что это – жизнь для индейцев, потому что дают им еду и одежду.

Маленькое Перо, который тем временем осматривал страну в подзорную трубу, вдруг воскликнул, заметив волнение среди животных далеко в долине. Бизоны и антилопы в испуге бежали в нашу сторону.

– Ну и что, – сказал Три Солнца, – ничего странного в этом нет. Вы знаете, что лагерь Бегущего Кролика (другого вождя черноногих) находится между нами и Большой Рекой (Миссури), и очень вероятно, что они стоят лагерем где-то здесь.

– Нет, – ответил Маленькое Перо, – я не думаю, что это они испугали животных; они были бы верхом и мы бы их увидели. Я совершенно уверен, что военный отряд пешком идет по ручью и это именно они напугали животных.

– Может, ты и прав, – сказал Три Солнца, – лучше понаблюдать. Мы будем пасти лошадей в течение ночи или двух и выставим сильную охрану. Теперь мы должны идти. Я думаю, что мы расположмся лагерем прямо у ручья, чтобы не пугать дичь, пока не начнется большая охота. Нам надо пойти влево от того остроконечного холма (он указал на холм к юго-востоку от нас) и двигаться в ту сторону, пока не подойдем к ручью.

Мы сели на лошадей, спустились с холма и продолжили путь. Через час или два мы достигли ручья и поставили вигвамы на участке прерии, где поблизости были вода и лес. Одна из жен Маленького Пера (у него их было пять) нашла молодую антилопу, которая, очевидно, родилась в этот день, и принесла ее к нам, сказав:

– Посмотри, какую красавицу я нашла.

– Я как раз хотел бы попробовать вареного мяса молодой антилопы, – сказал ее брат, который стоял поблизости, схватил ее, вытащил нож, одним ударом распорол и бросил на землю. Бедняжка лежала, задыхаясь, и мы могли видеть ее сердце, все еще бьющее, но удары его становились все слабее и слабее. Это было очень жестоко, и у меня появилось желание преподать молодому негодяю хороший урок, но я сдержался. Женщина отругала его и по тому, как смотрел на него Маленькое Перо, я понял, что тот тоже был зол.

После того, как мы хорошо поели и покурили, Маленькое Перо оседлал свежую лошадь и сказав, что поедет к холмам осмотреть страну, уехал. Я хотел было отправиться с ним, но день был очень жарким, и у меня не было большого желания двигаться, поэтому я остался в вигваме, курил и читал (у меня с собой была целая связка книг), пока не стало слишком темно, чтобы видеть буквы. Когда окончательно стемнело, а Маленькое Перо не появился, мы начали волноваться за него, и через некоторое время женщины начали плакать и кричать, что он убит. Я пробовал успокоить их, говоря, что, может быть, он нашел лагерь Бегущего Кролика и остался там на ночь. Но это было бесполезно. Мне все это надоело, и я вышел из вигвама. Вдруг мне показалось, что где-то далеко в прерии я услышал крик, прислушался и услышал снова, но слов разобрать не мог. Юноша, стоявший рядом, тоже его услышал и побежал в том направлении. Скоро он вернулся, сильно запыхавшись и был так взволнован, что мы едва смогли разобрать его слова:

– Маленькое Перо – почти мертвый – его лошадь забрали.

Тут же весь лагерь пришел в движение. Жены Маленького Пера и их родственники сразу одели траур и стали причитать и плакать; мужчины бежали со всех сторон, готовые отомстить за его смерть, впереди шел молодой человек, который нашел Маленькое Перо, и все шли туда. Найдя его, мы были приятно удивлены, услышав, что он говорит, хотя и очень слабым голосом:

– Я пока не собираюсь умирать. Посадите меня на лошадь и отвезите в лагерь. Я убил одного сиу.

При этих словах раздался дикий крик радости, и все начали выкрикивать его имя:

– Маленькое Перо! Уай! Хай! Маленькое Перо! Уай! Хай! – что значило победитель. Такой момент, когда все хором хвалят его, черноногие всегда вспоминают с гордостью.

Не потребовалось много времени, чтобы доставить его в лагерь и занести в вигвам. Там его раздели, сняли с него леггинсы и увидели, что у него прострелены обе ноги – икра одной и бедро другой. Кости не были задеты, но раны были большими, и он потерял много крови. Я промыл раны и обработал их теми простыми средствами, которые были в моем распоряжении, и, поев немного, наш герой почувствовал себя значительно лучше. Поздно ночью, после того, как все успокоилось, он рассказал мне историю своих приключений.

– Ты помнишь, – сказал он, – что во сне я получил предупреждение о том, что сегодня мне грозит опасность. Это было правдой: я сегодня оказался в очень опасном положении. Весь день я чувствовал себя беспокойно, и везде видел недобрые знаки. Когда мой шурин зарезал молодую антилопу, и мы могли видеть, как билось ее сердце, я окончательно понял, что-то

произойдет. Когда я выехал из лагеря, я проехал совсем немного, когда рядом со мной стали кружиться вороны – еще один дурной знак. Мне не следовало ехать дальше, но я решил, что проеду совсем немного – только посмотреть, есть ли поблизости дичь и определить место для завтрашней большой охоты. Я совсем немного спустился по долине, и потом направился к вершине утеса, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Я поднимался на возвышенность, которую перерезали овраги, когда увидел четырех бизонов, поднимающихся ко мне. Других животных в поле моего зрения не было, поэтому я спрятал лошадь и подполз к краю возвышенности, чтобы подпустить их на расстояние выстрела. Когда они подошли так близко, что я мог видеть их глаза, я выстрелил в того, что показался мне самым жирным, и он упал. Остальные убежали. Все это время я чувствовал себя очень неудобно. Я осмотрел вершину холма, потом посмотрел вниз. На сердце у меня было тяжело, но все же ничего подозрительного я не заметил. Я оставил лошадь, спустился и начал разделывать бизона. Налетели вороны, они кружились вокруг моей головы, каркали, а некоторые сели на землю так близко от меня, что я мог видеть их глаза. Я вырезал язык, освежевал тушу с одной стороны и вынул внутренности. Тут мне стало так плохо, что я не мог больше этого терпеть, все оставил, пошел к лошади и уже вставил одну ногу в стремя, чтобы отправиться домой, когда меня ударила мысль, что я веду себя как трус. Я подумал об оставленном мной жирном мясе, которому так рады будут мои дети, так что я вернулся и стал вырезать и упаковывать лучшие куски. Пока я работал, мной снова овладело беспокойство, поэтому я часто прерывался и осматривался. Мне показалось, что на вершине холма что-то мелькнуло, но я решил, что это пролетевший ворон. Я наклонился и продолжил работать, а когда снова разогнулся, то увидел пятерых индейцев, стоявших там, где мне помешался ворон, и в тот миг, когда я их увидел, они выстрелили в меня. Я побежал к своей лошади, но, как только я к ней подбежал, она упала замертво. Они убили ее, чтобы у меня не было возможности убежать. Сердце мое при этом едва не остановилось, но я побежал к оврагу, который частично скрыл меня, и трижды выстрелил в них, когда они спускались с холма. Это остановило их, и они сами спрятались в овраге. Скоро я увидел, что они подползают выше и ниже меня, пытаясь меня окружить, поэтому я подпрыгнул, громко закричал и побежал к лагерю. Один из врагов оказался прямо передо мной; он поднялся и выстрелил, но промахнулся. Я остановился и выстрелил; он взмахнул руками, выронил свое ружье и упал. Увидев это, я осмелел и почувствовал прилив сил. В каждом овражке, который попадался на моем пути, я приседал и стрелял по врагам, чтобы заставить их лечь. Потом я продолжал бежать. Так продолжалось довольно долго, когда одна из пуль попала мне в икру. Рана была не очень серьезной, но я почувствовал, что кровь течет в мой мокасин. В следующем овраге и залег, дважды выстрелил, а потом оторвал часть рубашки, перевязал рану и побежал дальше.казалось, что они не стремились нагнать меня, а держались на расстоянии выстрела. Думаю, они решили, что, держась от меня подальше и стреляя по мне с безопасной дистанции, они заполучат меня без особого риска, но я старался бежать так, чтобы им было сложнее в меня прицелиться. Я уже был невядалеке от лагеря и забирался на холм, когда пуля попала мне в бедро, и я упал. Я подумал, что все кончено, но сумел заползти в небольшую промоину. Там я присел и выстрелил в них дважды. Они побежали было ко мне, но это их остановило – они отошли назад и стали подниматься на холм с другой стороны. Я понял, что если они туда доберутся, то убьют меня, потому что я буду представлять для них легкую цель. Тогда я начал молиться. Я не хотел сдаваться. Я обратился за помощью к белому человеку из моего сна. У меня оставалось только три патрона, и я решил, что оставляю их на крайний случай. Подняв голову над краем оврага и осмотревшись, я увидел, что они больше не поднимаются. Скоро один из них знаками показал мне, что я могу идти домой, и они тоже возвращаются. Я не стал отвечать. Я просто прицелился и выстрелил в одного из них. Они повернулись и убежали туда же, откуда пришли. Я не знаю, что заставило их так поступить, но думаю, что с вершины холма они могли заметить наш лагерь или приближающихся к холму наших людей, и решили, что возвратиться

к Миссури будет более благоразумным. Как только я увидел, что они ушли, я перевязал, как мог, свои раны, и, используя ружье как костыль, поковылял к лагерю. Я думал, что никогда до него не доберусь. В конце я уже должен был ползти; а когда вы услышали мой крик, я был уже так слаб, что дальше двигаться бы не смог.

– Что ж, друг мой, – сказал я, – твой сон правильно тебя предупредил, не так ли?

– Да, – ответил он, – так оно и было. Какой сильный шаман этот маленький старый белый. Удивительно, что бывают такие белые!

На следующий день большой отряд обыскивал местность в поисках военного отряда (предположительно сиу), с которым столкнулся Маленькое Перо, но они никого не нашли. Там, где он выстрелил в одного из них, было найдено место, где тот упал. Трава была покрыта кровью, кругом было много следов. Несомненно, товарищи убитого при отходе забрали его с собой и похоронили, или, может быть, утопили тело в одном из омутов в ручье.

Опубликовано в "Лес и река" (13 октября 1894)

В Старую Мексику

Был безоблачный августовский день, много лет назад. Солнце нещадно опалило раскаленную сухую равнину, где расположились черноногие. Было так жарко, что даже самые отчаянные охотники не имели желания садиться на своих скакунов и ехать на поиски дичи.

Под одной из поднятых кож вигвама, лениво покуривая, растянулся на лежанке из шкур торговец с индейцами. Обитатели вигвама разошлись поболтать с друзьями – все, кроме одного старика, который, как и торговец, глубокомысленно курил. Он уже много лет как ослеп, его тонкие волосы были совершенно белыми. Кожа его от старости стала обвисшей и морщинистой, он сильно сутулился; в племени он был самым старым, и видно было, что на этих северных равнинах он прожил почти сто зим. Его тонкий, низкий голос прервал мечты торговца.

– Белый, – сказал он, – ты еще здесь?

– Да, – ответил торговец, – да, я здесь; что я могу сделать для Полого Рога?

– Дай мне мой мешок с амулетами – большой, который висит сверху. Я покажу тебе кое-что, а потом расскажу тебе историю. Этот день напоминает мне о моей давней поездке на юг, где все дни походят на этот, только еще жарче.

Торговец поднялся и вручил ему раскрашенный и расшитый цилиндр из сыромятной кожи. Полный Рог ловко открыл это и начал вынимать различные пакеты и свертки, пока не нашел тот, который искал, и бросил его через весь вигвам.

– Посмотри на это, – сказал он.

Торговец развернул сверток их оленьей кожи и в руках у него оказался длинный тонкий наконечник копья из сероватой стали, в нижней части его были выбиты слова: "Антонио Перез, Севилья, 1723."

– Да ведь это – воскликнул он – испанский наконечник для копья, и очень старый. Где ты его взял?

– Я расскажу тебе, – ответил индеец. – Это длинная история и очень странная; но и странные вещи порой происходят. Может быть, и не стоит говорить о том, что это – странно, если все это происходит по воле богов?

– Давно, – сказал он, – когда я был еще юношей, однажды летом мы охотились на Йеллоустоне. Однажды вечером, когда солнце почти закатилось, люди увидели, как что-то приближается к лагерю, и сначала не могли разобрать, что это было; но чуть позже рассмотрели, что это был человек, который очень медленно шел, опираясь на костыль. Некоторые из юношей были готовы выбежать и убить его, но мой отец, вождь, запретил им это.

– Пусть подойдет, – сказал он, – он не сможет причинить нам вреда; мы узнаем, кто он такой и, возможно, узнаем какие-нибудь новости.

Так что все стояли и ждали, а человек шел к нам, очень медленно и с большим трудом. Он приблизился к тому месту, где все мы стояли, наблюдая за ним, и люди понемногу отходили назад, оставив моего отца стоять перед чужаком. Тот был гол, если не считать надетой на нем длинной рваной рубахи, его длинные темные волосы, борода и усы были спутаны и напоминали шерсть бизона, полную сухой травы и репейников. Его глаза были выпучены и взгляд его напоминал взгляд волка, понявшего, что он попал в безвыходное положение. Он был очень худым – таким худым, что казалось, что его кости вот-вот прорвут его кожу, его ступни воспалились и кровоточили, кровь из раны на бедре текла по ноге. Казалось, что он не видит нас, он продолжал идти, иногда встряхивая головой, смотря вперед безумным взглядом и что-то бормоча про себя.

– Куда ты идешь? – спросил мой отец, подняв руку и положив ее ему на плечо. Незнакомец закричал и без чувств упал на землю.

Прошло много дней прежде, чем он выздоровел, и почти год до того, как он узнал нашу речь. Он сказал, что пришел с далекого юга, где всегда тепло, где все ягоды и любая еда круглый год в изобилии, и где никогда не бывает снега, кроме как на вершинах самых высоких гор. Его народ белый, но не такой, как знакомые нам трапперы и охотники. Его отец умер, оставив ему и его брату большие квадратные вигвамы, сделанные из камня, и большие богатства. Этот брат всегда был очень жадным и жестоким, и как только отец умер, он начал думать, как бы получить все, что оставил старик. Однажды ночью большой вождь той страны приехал в вигвам братьев на пир, и по пути домой несколько мужчин выскочили из кустарника рядом с дорогой и убили всех, кроме воинов, которые были с ним. Тогда плохой брат пошел к большому вождю и сказал: "Я знаю, кто сделал это злое дело; это был мой брат и шесть его друзей и родственников".

Воины вождя схватили их всех, бросили в крепкий каменный вигвам и сказали, чтобы они молились, потому что на рассвете их расстреляют. Но были те, кто знал, что плохой брат солгал, и пожалели их; в середине ночи эти хорошие друзья освободили их, дали им быстрых лошадей, оружие, еду, одежду и они убежали.

День за днем, луна за луной, они ехали, держа путь на север. Однажды ночью они разбили лагерь рядом с быстрой глубокой рекой. Некоторые из обитателей прерии, должно быть, видели их и следовали за ними, потому что, пока они отдыхали у костра, на котором жарили мясо на ужин, воздух вдруг наполнился стрелами и все его товарищи упали, едва успев вскрикнуть или что-то сделать. Он тоже был ранен стрелой в бедро, но вытащил стрелу, одним прыжком преодолел расстояние до реки и прыгнул в воду. Он долго плыл по течению, а потом вылез на берег и вышел на равнину. Следующим утром он оставил реку и два дня шел по равнине, не находя воды или еды, и, наверное, он повредился в рассудке, потому что в себя он пришел только в нашем вигваме.

Когда он рассказал свою историю, мой отец спросил его, что он намеревается теперь делать; возвращаться в свою страну или остаться с нами. Он сказал, что, как бы он не хотел вернуться, сделать этого он не может, потому что большой вождь его убьет; поэтому он останется с нами до конца жизни. Это понравилось моему отцу; он дал ему мою сестру в жены, вигвам, богатую одежду, хорошее оружие и много лошадей. Он назвал его Спай-у, так называется племя белых, к которому он принадлежал.

Так шли годы, и я рос, чтобы стать высоким, сильным молодым человеком. Однажды мы ехали вместе с ним впереди большого лагеря, который переезжал от гор Ремня до больших водопадов на Миссури, и он сказал мне:

– Брат, что-то не дает покоя моему сердцу, оно хочет вернуться в мою страну. Не для того, чтобы остаться там, а только ради того, чтобы наказать моего плохого брата. Я ради моей жены сопротивлялся этому как мог, но больше не могу. Я должен пойти. Ты пойдешь со мной?

Конечно, я пошел, и четыреста воинов пошли с нами². Мы двигались очень медленно, потому что нам предстоял длинный путь, и мы хотели сохранить лошадей сильными и упитанными. Иногда мы разбивали лагерь на два или три дня, когда было много дичи и хорошая трава, и охотились, пока наши лошади паслись и отдыхали. Однажды мы увидели вдали то, что похоже на большую плоскую скалу, по которой ходили люди, и Спай-у сказал нам, что это было сделано из грязи людьми, которые в ней живут. Когда мы подъехали ближе, эти странные строители, которых на равнине не было, поднялись на стены и втянули за собой палки. Мы не

² Есть сведения и о других походах черноногих на юго-запад. Один из первых путешественников, посетивших черноногих, Дэвид Томпсон, в 1787 году сообщал, что большой отряд пиеганов прошел далеко на юг и напали на испанский караван, перевозивший серебро. (авт)

стали обращать на них внимания, потому что мы не могли подняться наверх, а они не стали бы спускаться вниз, чтобы сразиться с нами. Спай-у сказал, что слышал, что они были очень богаты, и мы согласились попробовать захватить некоторых из них на обратном пути.

Я думаю, что прошло две луны после того, как мы миновали большой вигвам из грязи, когда Спай-у сказал нам, что пройти остается совсем немного. Мы были рады. В течение долгого времени мы путешествовали по стране, где все было мертво и сухо, кроме колючих груш, которые здесь были длинными и странной формы. Земля была полна гремучих змей, ящериц, больших как выдры, и ядовитых жуков и пауков. Но теперь мы попали туда, где были леса красивых и странных деревьев в долинах и по предгорьям гор и было много троп, идущих в разных направлениях, широких и утопанных оттого, что по ним много ходили. Наконец, однажды вечером, мы оказались у низкой возвышенности, поросшей деревьями, и он сказал нам располагаться лагерем, потому что с другой ее стороны, в широкой, открытой долине, был его дом. Много раз по пути, сидя у костра, мы планировали, как будем действовать, и теперь, лежа в кустах и не зажигая огня, мы обсудили это в последний раз.

Едва рассвело, мы сели на лошадей, поднялись на возвышенность и оттуда сквозь деревья увидели большой каменный дом, окруженный красивой рощей. Люди выходили из своих домов и шли работать.

– Теперь, друзья мои, – сказал Спай-у, – мы нападём; помните, о чем я так часто говорил вам: ни одна женщина не должна быть убита; вы узнаете моего брата по светло-красным волосами, и не должны трогать его; оставьте его мне.

В следующий момент мы двинулись; сперва спокойно, но когда ближние рабочие увидели нас и побежали к своим домам, мы издали военный клич и помчались, как ветер.

Многие из людей добрались до домов прежде нас и целились в нас из окон и дверей. Некоторые упали; остальные из наших рванулись вперед, прыгнули с лошадей и побежали; большая часть нашего отряда направилась к верхним домам, мы со Спай-у и остальными остались перед каменным домом. Перед большими дверьми было много мужчин, все с ружьями или пистолетами, они стреляли в нас. Продолжалось это не больше секунды, потом большинство из них упали замертво там же, где стояли, и мы ворвались внутрь, преследуя тех, кто убежал. Рыжеволосый вбежал в большую комнату слева, Спай-у и я мчались за ним по пятам. Спай-у сказал что-то и отбил шпагу ударом дубинки, так что она отлетела в дальний угол. Тут негодяй узнал своего брата, упал на колени, и я понял, что он молился за свою жизнь. Я смотрел на Спай-у; он улыбался как маленький ребенок, который громким плачем добился своего. Все остальные мужчины в доме были убиты нашими товарищами, которые теперь толпились вокруг нас. Я сам убил двух; у одного из них я взял это копье – тогда у него было хорошее древко – а у другого я взял прекрасное ружье.

Спай-у одной рукой держал себя за подбородок и долго молча стоял, пока брат продолжал умолять его.

– Нет, – сказал он наконец, – я не буду убивать его; если я это сделаю, моя месть будет закончена, и это не доставит мне удовольствия. Я хочу, чтобы она тянулась долго-долго. Я хочу видеть, как он страдает. Свяжите его покрепче; мы заберем его с собой.

Когда мы это сделали, наш предводитель предложил нам забрать все, что мы сможем найти, а других он послал в долину, чтобы забрать пасущихся там многочисленных лошадей. Мы взяли большую добычу в большом доме и домах работников. Затем все мы сели на свежих лошадей и отправились в далекий путь домой, гоня впереди большой табун, многие лошади в котором были нагружены богатой добычей. Так мы шли на северо-запад тем же путем, как и шли сюда, не останавливаясь даже для того, чтобы потревожить обитателей домов из грязи, потому что у нас и так всего было в достатке, и мы торопились домой.

Каждый вечер у походного костра Спай-у сажал брата перед собой и говорил ему всякие ругательства; при этом сам он с удовольствием смеялся. Плохой в ответ ничего не говорил. Он очень сильно похудел, потому что мало ел, и мы видели, что на сердце у него большая печаль.

Наконец мы добрались до Йеллоустона. Уже наступила зима, а на юг мы ушли в начале весны. Река замерзла, и мы пересекли ее по льду, оставив грязный след от одного берега до другого. Почти все переправились, когда лед вдруг треснул и люди вместе с лошадьми оказались в холодной воде, среди них был и плохой брат, который был привязан к лошади. Мы бросились к этому месту, но быстрое течение утянуло всех под лед, и больше мы их никогда не видели. Наши люди, однако, легко подплыли к краю пролома и их вытащили.

Еще через несколько дней мы приехали в наш лагерь на Миссури, и была большая радость по поводу нашего возвращения. Что случилось со Спай-у? Он прожил с нами много лет; потом появились торговцы, которые построили форты вдоль реки. Жена его к тому времени умерла, и он ушел жить с ними. Однажды сиу напали на форт, где он находился, и он был убит в сражении с ними.

Опубликовано в "Грейт-Фоллс Трибьюн" (4 марта 1900г.) .

Громко Говорящее Оружие

Из всех самых выдающихся рассказчиков в лагере черноногих в те давние дни бизонов больше всего я любил слушать Красного Орла. Он был дядей моей жены и относился ко мне очень хорошо – возможно, это повлияло на мое к нему отношение. Но рассказчиком он был прирожденным – он не упускал ни малейшей детали, которые придают ценность рассказу, и всегда он рассказывал интересные вещи³.

Был зимний вечер, когда большой лагерь черноногих следовал за бизонами в окрестностях Медвежьей Лапы – да, мы стояли на Коровьем ручье, и была зима 1877-78 годов, и тогда он рассказал мне историю о Ис-со-куо-и-ни-ма – Громко Говорящем Оружии, самом первом ружье, оказавшемся в собственности черноногих. Теперь я могу изложить эту историю, потому что передо мной лежат четыре листка из моего старого блокнота, где я в то время делал свои заметки.

Я хорошо помню тот вечер. В вигваме нас было всего четверо. Старый Красный Орел и его жена на своей покрытой бизоньей шкурой лежанке в глубине вигвама, и мы с Натаки на мягкой лежанке, предназначенной для гостей, справа от них. Маленький костер в центре вигвама горел ярко и без дыма, и освещал прекрасную пару – старого Красного Орла и его жену. Какие же добрые у них были лица, и как они любили друг друга, эта старая пара – они всегда были рядом, словно юные жених и невеста.

Выбив пепел из трубки черного камня и отложив ее в сторону, старик сказал:

– Апикуни, сын мой, слышал ли ты что-то о громко говорящем оружии?

– Нет, но рад был бы услышать, – ответил я, и он сделал глоток воды и продолжал:

– Эта история ружья, как рассказал ее мне мой дед, а ему – его отец.

В давние времена черноногие не владели страной, где сейчас стоит наш лагерь. Тогда это была земля Ворон. Страна черноногих была далеко к северу – от Саскачевана на юг до Молочной реки, и от Скалистых гор на восток на расстояние пяти или шести дней пути верхом.

³ Гора, ручей, озеро, ледник и перевал в национальном парке Глейсир теперь носят имя Красного Орла в память об этом замечательном черноногом.(авт)

На севере и востоке племя граничило с лесными и равнинными кри, на юге сталкивались с Воронами.

Однажды, еще до того времени, о котором я рассказываю, кри и черноногие жили в дружбе, но поссорились из-за женщины, и после этого между ними началась тяжелая война. Случилось так, что однажды весной большой отряд молодых черноногих отправился в набег на равнинных кри. Разумеется, перед тем, как выйти, они посетили потельную хижину, и старый шаман помолился за них. И, когда они покидали лагерь, он предупредил их:

– Помните, что среди кри есть сильный шаман. Он владеет магией грома. Берегитесь его.

Военный отряд долго шел на восток, и однажды заметил впереди небольшой отряд кри, который, судя по всему, отправлялся в набег на черноногих.

– Ха! Их меньше, чем нас, и в любом случае черноногие – лучшие бойцы. Давайте нападем на них, – сказал предводитель.

Не успел он закончить, как началась атака, и, едва увидев черноногих, кри повернулись и побежали, найдя убежище на вершине круглого холма – невысокого и с пологими склонами. Подбежав к его подножию, черноногие посоветовались. Разумеется, они могли просто окружить холм и подождать, когда спустятся, измученные жаждой, но большая часть воинов была слишком нетерпеливой, и было решено атаковать врага со всех сторон. Пока они так стояли, обсуждая что делать, то заметили, что один из кри держит что-то, что сверкает на солнце, как лед или отполированный камень, но не обратили на это внимания, и двинулись к подножию холма, где и разделились перед атакой. И тут внезапно на вершине холма прогремел гром, поднялось облачко дыма, и с криком боли один из черноногих упал замертво.

– Шаман грома! – воскликнули его товарищи, убежали и спрятались в лесной полосе на северном склоне холма. Там они снова посоветовались – они были столь злы из-за гибели своего друга, что снова решили напасть. И снова прогремел гром, и еще один упал. Они оттащили его в кусты. Он был мертв. На его теле было маленькое сквозное отверстие.

– Друзья, – сказал предводитель. – Для нас нет смысла пытаться захватить это холм. Там, наверху, находится принадлежащий кри талисман грома, о котором нас предупреждали.

Так что они взяли своих убитых и отправились в обратный путь.

Прибыв в лагерь они рассказали о том, что их убило, и вожди с шаманами сразу собрали большой совет. Первым делом они усомнились в истине этой новости. Один из жрецов Солнца в нашем лагере владел магией грома, но все, что он мог – это молиться Гром-Птице о дожде, чтобы ягоды уродились сладкими и урожай был обильным. Казалось невозможным, чтобы кто-то владел громом и мог убивать с его помощью. Все воины вернувшегося отряда продолжали настаивать на том, что все было так, как они описали, и говорили, что, если черноногие не отнимут у кри этот сильный талисман, племя будет изгнано из его страны.

– Мы должны приложить все усилия для того, чтобы овладеть этим талисманом, даже если это будет стоить нескольких жизней, – сказал главный вождь. – Нет сомнений в том, что этот отряд, владеющий талисманом, идет сюда. Если вы любите своих женщин и детей, старых матерей и отцов, вы должны выйти им навстречу и забрать его, или умереть.

Воины выслушали его слова. Они стали готовиться; шаманы молились за них. Потом они разделились на несколько отрядов и отправились на восток, чтобы встретить отряд кри.

Солнце слышало молитвы старых шаманов. Один из отрядов черноногих обнаружил врагов. Они сидели в густых ивовых кустах у небольшого ручья и жарили мясо убитого ими бизона. Черноногие подобрались так близко, как могли, и, когда их заметили, рванулись вперед. Бах! Прогредел гром, и один из черноногих упал. Посыпались стрелы, и упало еще несколько воинов, но остальные не останавливались, и скоро они налетели на кри и всех убили, и один из победителей, молодой воин, захватил громовой инструмент и все, что было у его владельца. Как же он был горд, и как счастлив! И как боялся! Теперь в их руках был громовой инструмент, ужасный талисман, о котором они ничего не знали. Некоторые из отряда хотели сразу от него избавиться, другие даже боялись к нему прикоснуться, но молодой воин, захвативший его, оказался смелее:

– Я его понесу, и все что с ним было, – сказал он, – и, если оно меня убьет, то так тому и быть.

И он взял ружье, и они отправились домой. Она была очень тяжелой, эта древняя вещь, и один их отряда помогал ему – они несли его по очереди.

Прибыв домой, юноша отдал ружье старому мудрому шаману, и среди людей возникла такая суета – все хотели увидеть эту странную вещь – что на это потребовался целый день. Потом шаман, вожди и юноша, который его захватил, тщательно исследовали эту вещь, и еще странные круглый камешки в кожаном мешочке. Была там еще сухая черная краска в железной бутылке – порох, разумеется. Решив, что это дурной талисман, они его выбросили.

Ружье это было очень длинное, тяжелое, его ствол расширялся как колокол. Оно было кремневым, и его курок был из отполированной меди. При нем была длинная железная подпорка в виде вилки. Как я и говорил, старый шаман и с ним другие шаманы тщательно его изучали – не только в этот день, но много дней, но так и не поняли, как оно делает гром. Шарики делали отверстия там, куда попадали, но что заставляло их двигаться? Если в ствол закатить шарик, то он просто выкатывался, когда ствол переворачивали. Осматривая его в первый раз, старик взвел курок, а потом случайно нажал на спуск. Курок опустился и ударил его по большому пальцу, что было довольно чувствительно. Ха! Похоже, что это и вызывало гром, и он сделал так еще раз, теперь прикрыв полку. Когда кремнь ударил по полке, посыпались искры, и он подскочил и отбросил ружье, ожидая, что сейчас прогремит гром. Но этого не произошло; все, чего он мог добиться от ружья – высекать искры. Это было большое разочарование. Но все же это был сильный талисман, ценная вещь. Старик завернул его в дорогие меха и хранил вместе с другими талисманами. Он пытался получить видение о том, как с ним обращаться, но это ему не удалось. Каждые несколько дней он брал его и снова изучал. Больше ничего не происходило. Так прошло несколько зим.

Да, несколько, я точно не знаю сколько, и вот как-то в начале лета тот самый молодой человек, который захватил ружье – после этого он получил имя На-ма-кан, вместе с другими снова отправился в набег на кри. Они не сильно углубились в их землю, когда встретили отряд кри и напали на него, и в них стреляли не меньше чем из четырех громовых инструментов. Они были так удивлены – двое из них были убиты – что даже не сообразили развернуться и убежать. Некоторое время они неподвижно стояли и с открытыми ртами смотрели на кри, пока те не напали на них. Тогда они побежали, вернулись в страну черноногих и в свой лагерь быстро, как только могли.

Новость, которую они принесли, казалась невероятной. Ужас поселился в сердцах людей. Еще бы, ведь с четырьмя громовыми инструментами кри могут сделать с черноногими все, что захотят. Вожди снова собрали большой совет, и люди говорили и говорили:

– Если бы мы только знали, как пользоваться громовым инструментом, который у нас есть, – сказал один воин, – то все было бы не так уж плохо. Пытайтесь. Пытайтесь снова, шаманы, получить об этом видение.

Поскольку он захватил ружье, На-мак-ан бы сделан вождем, и он, пользуясь своим авторитетом, сказал:

– Видения не придут. Мы для кри – как сухие листья для ветра. Я предлагаю заключить мир с нашими врагами и научиться у них, как пользоваться громовым инструментом, который у нас есть.

Его слова вызвали у всего совета вздох облегчения.

– Да. Да. Почему мы раньше об этом не подумали? Это единственное, что нам остается, – кричали они, и разошлись, прежде выбрав тех, кто отправится с предложением мира.

На-мак-ан повел отряд из пятнадцати человек. Они несли вождям кри богатые дары – пять красивых головных уборов, выделанные шкуры толсторогов, красиво расшитые иглами дикобраза мокасины, свертки с хвостовыми перьями и много на-уак-о-сиса – растения, которые черноногие выращивали и курили до того, как получили от белых табак.

Двигаясь по стране кри, они наконец обнаружили большой их лагерь и открыто приблизились к нему, затянув песню мира и делая знак мира. Вожди кри, заметив их, вышли им навстречу без оружия, встретили их, обняли и пригласили в свои вигвамы. Там они отдохнули и поели, а потом раздали принесенные ими подарки. Их приняли не сразу. Они лежали на земле, пока вожди кри совещались. Это было недолго, и, когда разговоры закончились, главный вождь кри приветствовал черноногих:

– Мы принимаем ваши подарки, – сказал он. – Братья, мы рады, что сегодня вы пришли к нам. Это хороший день. Солнце сияет, и оно радо видеть, как мы сидим и мирно беседуем, вместо того чтобы воевать и отнимать друг у друга жизни. Возвращайтесь к своему народу и скажите, что мы тоже желаем мира. Но задержитесь, чтобы мы смогли приготовить подарки для ваших вождей.

Так что все получилось, и они несколько дней оставались в лагере, наслаждаясь пирами и танцами. И они узнали, к огромному своему удивлению, что громовой инструмент – талисман белых людей. Люди с белой кожей, сказали кри, живут в странных больших вигвамах из бревен далеко на востоке, на реке Ассинибойн⁴, и от них они получили это оружие, отдав за каждое по пятьдесят бобровых шкур. И они показали черноногим те, что у них были – всего пять штук, и показали, как правильно заряжать и стрелять. И, что было лучше всего, они подарили На-мак-ану запас пороха и пуль на сто выстрелов для ружья, которое он у них захватил. Очень довольные, черноногие отправились домой, и несколько семей кри отправились с визитом с ними вместе. Так что мир был заключен и продлился много зим.

На-мак-ан и его люди прибыли домой вечером, и в вигваме старого шамана он взял громко говорящее ружье и показал восхищенной толпе вождей и главных воинов, как им пользоваться. Выйдя из вигвама, он зарядил его и выстрелил, и, когда оно грохнуло, женщины и дети, и даже некоторые мужчины, побежали в разные стороны. Старый шаман сразу дал имя

⁴ Зимой 1743 года мсье де ла Верендри поставил факторию на реке Ассинибойн, в современной провинции Манитоба в Канаде. Я не сомневаюсь, что именно от него кри получили «громко говорящее ружье». Черноногие утверждают, что это было единственное виденное ими ружье с расширявшимся стволом. Их рассказы о походах, в которые они брали это первое ружье, бесконечны. (авт)

разным частям ружья. Курок он назвал челюстью – потому что он словно кусал камень. Полка была названа ухом, шомпол – горлом, потому что он располагался под стволом, как горло вдоль шеи. Сам ствол назван был громким, или большим, ртом.

Каким бы странным это не казалось, но старый шаман, разобравшись в том, как работает этот смертельный инструмент, получил о нем видение. Талисман из его сна – его священный помощник – дал ему указания о том, как им пользоваться. Его нельзя было вынимать из разукрашенного чехла просто так, а только перед тем, как им пользоваться. Если была хорошая погода, его нужно было выносить из вигвама перед рассветом и заносить обратно после заката. Если его брали в военный поход, предводитель отряда должен был накануне пронести его вокруг всего лагеря, все его люди должны были идти за ним, одетые в военные костюмы, и петь священные песни для этого случая – песню ружья, которая также была послана в видении.

Война! Ай! Началась война. Черноногие часто вторгались в страну Ворон, доходя до Йеллоустоуна и дальше. Они видели много рек, ручьев, долин, гор и равнин, полных разнообразной дичи, в должное время красных от спелых ягод, и они знали, что эта страна намного богаче и лучше для жизни, чем их земля на севере. Они хотели ее получить. Много зим пытались они ее захватить, но Вороны смогли ее удержать. Но теперь, имея этот талисман, почему бы не попробовать снова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.